

Татьяна Кигим

В
АМЕРИКЕ
СЕКСА НЕТ

Татьяна Кигим

В Америке секса нет

«Автор»

2026

Кигим Т.

В Америке секса нет / Т. Кигим — «Автор», 2026

Над Москвой и Киевом, над Владивостоком и Самаркандом несут боевую вахту гигантские, могучие, сияющие Сферы Мира. Это вам не буржуазные Звёзды Смерти, это другое! На одну из таких Сфер Мира мечтает попасть парнишка из колхоза «Заря Космоэры». Тем временем над планетой сгущаются тучи, назревают буржуазные провокации, а ИИИ (Империалистический искусственный интеллект) сходит с ума...

© Кигим Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

В Америке секса нет

Глава

Татьяна Кигим

В АМЕРИКЕ СЕКСА НЕТ

Пролог

– Ну товарищи... Ну товарищи, родненькие ж! – Никита прижимал кепку к груди и мял ее нервно, надрывно.

Председатель собрания, он же бригадир Михей Иванович, сурово смотрел на паразита, постукивая ручкой по столу.

– Ты, парень, сначала окна в колхозном клубе, значит, бьешь. Значит, уверяешь, что опыты проводишь. Ультразвук, вражина, применяешь. Трактор, значит, в запчасти превратил...

Никита стоял потерянный, расстроенный, глаза – в пол. Губы кусал. Переживал.

– Что молчишь, злыдень?

– Я... я обещаю...

– Что обещаешь? По винтику всю бронетехнику в армии разобрать, что ли? Вернуться после первого же дежурства с пендюлями назад обещаешь, позор поселковый?

Бригадир «Зари Космозры» Михей Кошевой сокрушался всем сердцем. Сколько труда в воспитание вкладывали – и такая вот паразитюка выросла. Добре, хоть понимает и носом шмыгает. Вот годик перетопчется, глядишь – и человеком станет.

Никита год ждать не хотел. Как это – он, лучший выпускник большебитюговской школы, медалист, по боевым единоборствам и плаванию перворазрядник, победитель олимпиад по физике и походной кулинарии – пролетит мимо военного строя, как комета...

– Да я исправлюсь! – крикнул он с отчаянием. – Я же на всесоюзный конкурс спутник делал!

– И кто ж победил? – крикнул из рядов дед Тарас.

– Бензопила «Дружба», – клацнув стальным протезом, сообщил сельский участковый. Отбросил смятый окурок в разъезжающую по двору урну на гусеницах, отошел от окна. Достал из кармана «Приму», чиркнул средним пальцем, прикурил от огонька, вырвавшегося из сустава, задумчиво посмотрел на Никиту. – Али автоген «Товарищ юного взломщика»?

– Та не, – смутился Перепенько, – мы его того... руками.

Бригадир, он же председатель сельской призывной комиссии, хватил руками по бокам:

– От надежа! От опора! Такой трактор по гаечкам раскрутить! А подшипники от него где?

– Сломали...

В битком набитом зале поднялся страшный шум. Председатель колхоза кашлял в ладонь, пытаясь сохранить серьезное выражение лица. Передовая птичница тетя Стеша ржала так, так что груди ее колыхались, как две танцующие индейки. Полковник из района, сидевший сбоку в первом ряду, невозмутимо изучал солнечные блики на сапоге. Красная папка с выдавленной золотой звездой лежала у него на колене.

– Вот, товарищи, весь моральный облик этого паразита. Трактор, между прочим, народной собственностью был.

– Та он не заводился! – крикнула с места одна из молодежи, знатная доярка с доски почета.

– Заводился или не заводился, а все равно колхозное имущество, – пригладив длинные усы, заявил Кошевой. – Его, может, пионеры на металлолом бы сдали. Так нет – комсомольцы

раскурочили... А ты, – обернулся к Никите, – ты Сферу Мира тоже по винтикам разберешь?! Планетарный излучатель, значит, на болтыпустишь?! Кружок юных техников! Так вот что я тебе скажу – не видать тебе армии, свинский ты сын! – и Кошевой скрутил смачный кукиш. – Да мы в ваши годы!.. Да разве ж кто из нас, ваших отцов, хоть одно стекло... гм, – бригадир искося взглянул на деда Тараса и переменял тему. – Ты спроси, что уважаемые люди думают о твоём поведении, у товарища участкового! Героя, между прочим, бронетанковых войск!

Никита перевел взгляд на местную легенду – человека, в пламени и дыму вытащившего раненных товарищей из космического бронетанка. Дядя Митя был в селе и на районе не просто авторитетом. Он был человеком, чье слово весило, как тонна чугуна.

– Тебе, Перепенько, ежели куда посылать, – прищурился участковый, – так это в буржуйскую армию шпионом-диверсантом. Звезды Смерти раскурочивать!

Участковый Больших Битюгов был личностью примечательной. Он мог в пятак раздавить железными пальцами крышку от лимонада. Одной рукой – той, что из стали, с сервомоторами – остановить бугая. В его комнате над полкой с фотокнигами висел портрет Феликса Дзержинского. Курил «Приму» и любил ситро. И никто в здравом уме и трезвой памяти не посмел бы усомниться в справедливости вынесенного им вердикта. Участковый дядя Митя был Героем Советского Союза.

Не мигая, Никита глядел на олицетворение социалистической законности. И бесконечный космос, и свет холодных звезд, и горячие протуберанцы солнца, и великая Сфера Мира – все это стало в одночасье далеким и недостижимым. Все его олимпиады, все экзамены, все спортивные достижения – все зря. Все его сверстники пойдут служить – кто в стратосферные, кто в бронетанковые и вездеходные, кто в роботодесантные, кто в глубинно-подводные, кто в пограничные, кто в военно-космические. А он...

– А еще он кукурузный початок к чучелу прицепил! – ввернул дед Тарас.

Михей Иваныч отмел обвинение широкой ладонью, поморщился:

– Не, вот давайте без этого, лишние обвинения тут ни к чему! Дело молодое – привернул и привернул. У нас не Америка, за целованье не сажают. Пусть девки порадуются. Ты вот лучше скажи – в твоё время таких в войска брали?

– Палкой гнали и под зад давали!

Перепенько посмотрел исподлобья.

– Коли в армию не пустите – повешусь.

– Как повесишься – так и откачаем, – меланхолично подал голос фельдшер. – Ты лучше скажи, кто спирт из шкафчика в медпункте сбуржуазил?

– Кажи, вражий сыну... – насутился бригадир. – Постыдись твою мать!

Мать Никиты сидела красная, как рак. Отец вообще не явился – совестно.

– Не сбуржуазил, а скоммуниздил, – почти всхлипнул Никита. – Для социалистических целей. Линзы на спутнике протирать.

– Штаны б лучше на политинформации протирал!

Кошевой хряснул ладонью по столу. Перепенько доводился ему внучатым племянником, а потому то, что спустил бы строгий, но справедливый бригадир Кошевой, то никак не мог спустить принципиальный «дядько Михей»:

– В то время, как наши космические корабли бороздят просторы Вселенной... В общем, пора выносить вопрос на голосование. Нехай он, значит, идет в вуз, кончает там курс или два, как получится с точки зрения повзросления и осознания. А потом, может, советский народ доверит ему своё мирное оружие. Так я говорю?

– Верно, – согласился участковый. – Давайте голосовать, что ли. Мне еще в район ехать, там машинное масло хорошее привезли.

И железный кулак сжался со зловещим лязгом.

Никита стоял бледный, на лбу выступили крупные капли пота:

– Люди добрые! Да как же меня – в вуз! Без армии! Что я однокурсникам скажу! Что я – калека какой или дубина стоеросовая?! Что я там буду делать: все отслужившие, при значках и медалях, один я – со школьной парты да в университетскую аудиторию?! Я что ж, американец какой, чтоб из школы сразу в колледж лезть?!

Кошевой тем временем продолжал:

– Дело в том, товарищи, что вопрос тут не только в том, пущать или не пущать этого конкретного дурилу... Тут еще вопрос для всего села, можно сказать, политический. Паразит этот, Никитка, шибко хорошо проявил себя в школьные годы в учебе и военной подготовке. То есть, коли возьмут его в наши славные войска, и проявит он себя как должно, то в историю Больших Батюгов будет вписана новая страница: наш парубок на палубах Сферы Мира. А это первый такой случай не только в нашем селе, но и во всем районе.

Народ притих и замер. А потом дружно грянуло:

– Ура!!!

– Тому я и говорю, товарищи – чтобы как следует рассудить. Отправить-то нашего Перепенько на Сферу Мира можно, да как бы назад его не получить, направленного попиджопным ускорением. В учебе-то он молодец, а вот по поведению – балбес балбесом.

– На поруки! – выкрикнул кто-то. – Оказать доверие! Это ж – Сфера!

– Тихо, граждане, – встал участковый. – Вот что я вам скажу... – стальные пальцы мяли незажженную сигарету. – Потакать хулиганам: дело вредное. А Перепенько, как ни крути – хулиганствующий субъект, раскрутивший объект социалистической собственности на гайки и винты. Пущай и из самых лучших побуждений. Так что никакого «простите, дяденьки» быть тут не может. Но был у нас в селе такой случай... Лет так двадцать пять назад, когда этого Перепенько еще и в проекте не стояло, в Больших Битюгах проходу не было от одного задиры, как от скаженного бугая. Только бугай кидается на красное, как империалист на Страну Советов, а тот недоумок кидался на все подряд. То ларек раскурочит, то свиней из загона для веселья выпустит, то в грузовик заберется и ящик ситро с машины на полном ходу сбросит, а что не побилось – на обочине разопьет... Вот и встал вопрос, что с ним делать: то ли в магаданских здравницах от гиперактивности лечить, то ли все-таки позволить ему работать под социалистическим присмотром где-нибудь на лесоповале, где сохранена ручная трудотерапия. И вот один человек, тогдашний наш военком, предложил направить его энергию в мирное русло: врагов громить, – участковый обвел глазами зал. – Парнишка тот попал в бронетанковые войска. Аккурат перед самым Вторым марсианским революционным колониальным конфликтом. Перед второй марсианской заварушкой. И довелось ему повоевать в составе вездеходно-бронетанкового корпуса на стороне угнетаемых колонистов против империалистической сволочи. Вернулся с двумя орденами и тремя медалями, и, как говорят иные наши битюговцы, стал из хулигана человеком. Во всяком случае, больше не дрался. Потому что без руки драться как-то несподручно. Убить же человека можно. Железякой-то. Да и интересы переменялись...

Зал затаил дыхание. Все знали, что он, считай, голой рукой, ведь перчатка не выдержала и двадцати секунд, одолел раскаленную заклинившую крышку люка: развинтил вспомогательный ручной запор и вытащил раненых товарищей из горящего танка. А вот то, что Митька-хулиган слыл грозой всех окрестных сел – про это помнили сейчас немногие.

Михей Иваныч вздохнул, переглянулся с участковым. Полковник из военкомата невозмутимо изучал начищенные до блеска хромовые сапоги, по которым скользили солнечные зайчики.

– Ну, иди сюда, паразит... Дай же я тебя, рядовой Военно-Космических, расцелую! Да только помни, засранец – не своим только именем рискуешь, а честью села и району! Помни, что общество взяло на поруки. Не посрами!..

И, сгребши в охапку, смачно расцеловал двоюродного племянша.

Ошалевший, ошарашенный, ошпаренный нежданной радостью, стоял Никита, мял кепку и обещал крепко:

– Не посрамлю, товарищи!

Часть 1,

в которой бойцов ждут совместные учения и буржуазные провокации

– Товарищ Перепенько! В чем разница между советской Сферой Мира и Звездой Смерти?

Никита вскочил, выпалил:

– Империалистические Звезды Смерти – порождение агрессивной военщины. Советские Сферы Мира – порождение мирного разума...

– В принципе, верно, – кивнул Зоран Божанов, не отрываясь от «Электроники», где тихо верещала очередная версия бессмертного «Ну, погоди!». – А в чем вы видите принципиальную разницу между планетарным излучателем и планетарным деструктором?

– Планетарный деструктор Звезды Смерти, созданный по заданию Пентагона...

– Ах ты, падла! – взорвался полковник Божанов, хрястнув ладонью по столу. – Ах ты, волчья сыть!

Новобранцы, замерев, вытаращили глаза на грозного полковника. Непонятно было, что Перепенько сказал такого, что Зорана разозлило, как если б кто забыл название столицы Болгарской ССР.

– Девятьсот семьдесят, – мрачно обвел взглядом аудиторию полковник. – Внимание на экран! Включить озвучку диафильма.

Бойцы вздохнули с облегчением. Провороненные волком яйца могли напрочь испортить настроение начальнику части. Но, кажется, обошлось: Божанов, насупившись, глядел в стол, никого не вызывая, молча переживая поражение. В учебной аудитории погас свет, из динамиков полилось:

– Созидающий разум построил могучие и величественные Сферы Мира. Загнивающее, шизофреническое сознание породило кошмар для всего живого – мрачные Звезды Смерти...

На экране сокрушительный удар планетарного излучателя Сферы Мира расколол астероид, в расщелине которой спрятался диверсионный катер. Через несколько минут рядом пройдет пассажирский лайнер – и две тысячи человек, направляющихся к Ганимеду, даже не узнают о грозившей им опасности. Следующие кадры: планетарный деструктор Звезды Смерти превращает плутино, во льду которого спрятались беглецы мятежного движения, в тающее облако...

После окончания лекции бойцы высыпали в рекреацию. Чобану с Бельдыевым засели за шашки, Алибек отправился к пилотажным имитаторам, Никита – автоматам с газировкой. В горле пересохло, так что он залпом выпил два стакана «чистой», а затем, не спеша, принялся за стакан с «двойным».

Рядом ругался Туви Койвисто – редактор стенгазеты части.

– Дуб лукоморский, – возмущение горячего финского парня было адресовано товарищу, схлопотавшему второй «тройбан» по космонавигации. – Что ж ты нас позоришь, показатели снижаешь...

Всякая растительность была излюбленным ругательством Туви. Когда он был особенно возмущен, то поминал елки зеленые, кедры сибирские и якутскую кукурузу. Никита усмехнулся – кому-то грозила едкая карикатура в следующем выпуске «боевого листка».

Один из шедевров неутомонного таланта Туви висел над радиоточкой: плакат, изображающий двух бойцов – один на стремянке с паяльником, другой страхует снизу. Надпись гласила: «Боец Советской Армии! Не забывай к фразе «Перестань лить на меня расплавленное

олово!» добавлять «Пожалуйста!». Словно в насмешку (и в нашей стране есть недоискоренные недостатки) прямо под плакатом два новобранца с повышением тона заспорили, что слушать – Симфонию №5 для скрипки, гобоя, клавиесина и оркестра Шнитке или Двенадцатый Concerto Grosso Арканджело Корелли.

Никита тоже задумался, что бы ему хотелось послушать больше, но тут его сначала отвлекли прошедшие мимо девушки из старшего призыва, а затем...

– Перепенько! Земляк! – Никита почувствовал, как его сдавили крепкие объятия.

Он аж поперхнулся газировкой – до того вышло неожиданно. Глянул – ба! Лепягин! С соседнего района, на олимпиаде подружились!

– Брат, и ты тут! То есть, товарищ старшина...

На плечах Лепягина горели старшинские нашивки. Год уже служит, вояка!

– Ну, как дела на Земле? А я иду – не видит! Что, на девчат загляделся? У-у, тут такие девчата...

– Эти со мной и говорить не станут, – покраснел Никита, покосившись на прошедших мимо комсомолок. – Третий год служат. А мы пока, товарищ старшина, без специализации...

«Проще говоря – салаги, – добавил он про себя. – Ангарты охраняем и картошку чистим». Ангарты на Сфере Мира было несчетное количество, так что вахт на всех хватало. Картошки тоже.

Конечно, такие девушки, что прошли мимо – они как звезды... Одна артиллеристка, другая, что с губами спелыми да очами смелыми – из внутренней службы охраны энергетических установок. Спортсменки, комсомолки. Отличницы боевой подготовки. Три года уже отслужили, и их, может, еще на год оставят. Мечта! Все хотят в армию, но армия не резиновая.

– Нам еще три месяца до выбора специализации. Мы так... на подхвате.

– Чем будешь заниматься – выбрал?

Никита смущенно молчал. И то было интересным, и это. Здорово было бы стать оператором силовых установок. Или радиолокационных и навигационных систем. Или пойти в метеоритную защиту. Или в артиллеристы. И, конечно, недостижимая мечта – хоть раз в жизни попасть в группу обслуживания планетарного излучателя.

– А в связисты не хочешь?

– Не хочу. У вас древнюю морзянку и световые сигналы учить надо – как будто мы в каменном веке. Еще б флажками учили размахивать.

Мимо прогрохотали бойцы в штурмовой десантной броне. А может – в десантники? Нет, не возьмут. Для этого очень большой уровень интеллекта нужен, ведь десанникам надо мгновенно анализировать ситуацию, поступающую на тактические и стратегические экраны шлема, принимать мгновенные решения. Советский десант!.. Крепкие мышцы, закованные в бронзотитан, гордые подбородки, мощь разума в глазах. В то время как американская военщина штамповала универсальных робо-солдат, впаявая им электрические мозги, в советские десантные войска принимали самых отборных интеллектуалов СССР, чтобы и тело, и разум – все было гармонично.

Никита опасался, что интеллекта ему для поступления в десантно-штурмовой батальон может не хватить. А может, записаться в пилоты палубных истребителей?

Девушка с губами, как спелая вишня, зашла с подругой в лифт и – показалось или правда? – подмигнула Никите. Где-то он ее уже видел...

– Товарищи бойцы! – разнеслось по рекреации. Лицо Божанова, вернувшегося после перерыва, было предельно серьезным. – Поступило сообщение, что на нашей Сфере Мира будут проведены совместные учения с НАТОвскими войсками. Американских новобранцев размят в ваших казармах.

– Служу Советскому Союзу!

Полковник кивнул. Подумал и добавил:

– Будьте осторожны. Вероятны буржуазные провокации.

– Хочу в буржуинию, – меланхолично заявил Ион Чобану. – Смотри, каких интеллектуалов берут в десант.

Никита подтянулся еще пару раз, покосился на «империалистов». Братья по разуму листали советские журналы. По казарме разносилось тупое гыканье.

– Обезьяны, однако, – пробормотал Бельдыев, поглядывая на мускулистую фигуру самого жизнерадостного товарища по обмену. Звали того Билл. И это имя очень хотелось с чем-нибудь срифмовать.

Никита подошел, ради интереса глянул из-за плеча: там, на страницах «Комсомольца», в боевой стойке замерла обнаженная девушка. Красиво.

– Сиськи! – заорал Билл.

Переводчик добросовестно перевел.

Советские бойцы переглянулись полупрезрительно. Теперь стало ясно, почему по обмену не прислали девчонок. В американских казармах, говорят, после пуританской буржуазной революции вообще нет женщин. И правильно – эти скотские манеры просто разрушат товарищество и боевую дружбу.

«И как таким оружие выдают? У нас их в стройбат не пустили бы», – размышлял Никита, забираясь на верхнюю койку. Протянул руку к полке, где лежали любимые фотокниги: «Кутузов», «Россия молодая», сборник патриотических рассказов «Ярость благородная».

Внизу тем временем возник спор, какой канал смотреть: американцы настаивали на тупом и бесконечном «Стар Треке», наши – на документальной киноленте.

– Крейсер «Сибирь» – это, считай, русский «Энтерпрайз». Только не киношный, а настоящий! – горячился комсорг Чобану.

Тут, естественно, спор свернул на тему героизма, грозя перейти в потасовку на фоне буржуазной провокации. Никита не выдержал, тоже встрял:

– И у нас в селе Герой Советского Союза есть. Так он руку себе сжег, зато товарищей спас. Ваш Супермен на такое способен?

Билл фыркнул – подумаешь, мол.

– А у нас сержант сам себе яйца прищемил!

Тут уж комсомольцы растерялись, не зная, чем крыть такой аргумент. Разговор, к счастью, плавно перешел на образование и медицину – предметы, в которых убожество капиталистической системы проявлялось особенно наглядно.

– И пришлось идти в армию: денег на колледж не хватило, – жаловался солдат. – А чтобы стипендию получить, столько книжек прочитать надо...

– Много читать вредно, – хмуро отвечал другой. – Помните того придурка на учебной базе? Дочитался. Зачем он себе, онанируя, эту проволоку в мочевого пузырь ввел? Решил, говорит, проверить, правда ли в той книжке написана. Оказалось – правда. Все деньги пошли на операцию, плакал его колледж...

– Во жизнь, – пробормотал Никита. – У вас что ж, нет бесплатной медицины?

– А у вас что, идиота, воткнувшего себе проволоку в член, будут лечить бесплатно?

Никита задумался. Вопрос был явно провокационным.

После отбоя, ворочаясь, он все размышлял над этим. Сосед, Туви, тоже не спал:

– Правду говорят: «Буржуазный онанизм – разрушает организм...».

Никита хмыкнул:

– А ты сомневался?

– Да нет, не то чтобы... Но все-таки непонятно было – как так? Почему их – разрушает, а наш – укрепляет...

– Потому что диалектика! Спи давай.

В солдатской столовой было привычно шумно. Ряды столов уходили вдаль, десятки дежурных руководили роботами, в чьих манипуляторах дымились миски с перловкой, стаканы с чаем, серебрились банки со сгущенкой.

– О, мы сегодня обедаем без девчонок? – поднял бровь чернявый красавец с Молдовы, Ион Чобану.

И действительно, места девушек из их роты заняли командос по обмену. Они сидели со своими подносами, сосали «Колу» из пластиковых стаканчиков через трубочки, отправляли в рот огромные гамбургеры, сорили направо и налево недоеденным, будто не видели плаката над столом: «Солдат! Бережно относись к каждому куску! Помни, что для миллионов людей во всем мире крошка хлеба – еще драгоценность!».

– Ну, – вздохнул Никита. – Приятного аппетита, това... товарищи и господа.

Билл прочавкал что-то приветственное.

– Не чавкай! – обратился к американцу Алибек. – Соблюдай культур-мультиур. Загнивающий капитализма!

Тут к Биллу приблизился другой боец по обмену. Он был чем-то сильно возбужден и что-то зашептал на ухо товарищу.

– Вау! – рявкнул Билл и бросился к автоматам гигиены.

Зубную пасту, что ли, получать?

Но нет, американские друзья притащили в ладонях целые пригоршни презервативов.

– Бакинские! – с восторгом вопили они.

– Крепкие! – с уважением оценил даже американский сержант. – Самые прочные в мире.

Билл оживился:

– А мы вам прикол покажем! Вы в СССР такого не видели!

Он водрузил на стол бутылку «Кока-колы» литра в два, продемонстрировал мятные таблетки «Ментос».

– А теперь...

Рванул фонтан пены, забрызгивая все вокруг. Братя по разуму довольно заржали: шутка, по их мнению, удалась.

– Загнивающий капитализма! – сплюнул Алибек. – Мозги совсем кирдык.

Билл обиделся:

– Вы не понимаете, да? Это же смешно! «Кола» и «Ментос»! Созданы друг для друга! А если налить «Колы» в советский презерватив, и «Ментос» кинуть, порвется или как?!

– Какой дурак, однако, – покачал головой Умкэны Бельдыев.

Билл посмотрел на комсомольцев, вздохнул.

– Скучные вы. Где тут мусор кидают?

Толстяк напротив рыгнул. Достал банку с пилюлями.

– Это что? – любопытствовал Туви.

– Блокатор калорий, – ответил толстяк. – Рацион нашего солдата очень калорийный. Поэтому всем нуждающимся военврач выписывает такие таблетки.

– И сколько ж вы жре... потребляете в день килокалорий? – спросил Никита.

– Раньше было восемь тысяч, но благодаря работе общества по правам альтернативно стройных стало двенадцать, – сообщил товарищ по обмену.

– Врешь! – изумился Туви Койвисто. – Столько брюквы ни в одного солдата не влезет!

Американцы поглядели с недоумением и засоветовались со своими переводчиками.

– Брюква – это специальная разработка военных диетологов, – пояснил Никита. – Ценный высококалорийный продукт.

– Нет, – сказал сержант «обмеников». – У нас калории дают другие продукты. Пицца, гамбургеры, картошка-фри, много масла, а если все равно в калориях недобор, добиваем растворенным сахаром в сверхнасыщенном растворе, – и он отсалютовал стаканом с «Кока-Колой».

– Что вы едите... – ужаснулся Никита. – Консервированные овощи, персики с ананасами – в них же уже никаких витаминов не осталось. Кукуруза – и та в банках. То ли дело стол советского солдата – только свежая брюква, картошка, морковка, лук...

Сержант прищурился:

– Все это коммунистическая агитация. Витамины – это ж таблетки! Как они могут быть в овощах и фруктах?

– Тем более всем известно, что в свежих овощах – опасные геномодификанты, – поддержал солдат в очках. – Я колледж закончил, между прочим.

Никита покачал головой. Интеллектуальная элита армии потенциального союзника поражала. Молча положил в чай ложку сгущенки, размешал. Уроки политинформации, кажется, слишком мягко описывали разложение буржуазного общества...

– Скучно у вас, – потянувшись, констатировал Билл. – А не сгонять ли нам в самоволку?

Электронный переводчик с трудом, но подобрал понятие. Вспыхнула надпись: «Архаизм, правонарушительный жаргон».

– Что вы имеете в виду? – строго спросил комсорг взвода Ион.

Американцы похохатывали, перемигиваясь.

– Ну это – когда герлз, много текилы... И нет офицеров.

Советские бойцы переглянулись.

– Дебил-башка, – вздохнул Алибек.

И тут раздался вой сирены.

Часть 2,

в которой герой отправляется в самоволку, а из неофициальной беседы становится ясно, почему у советских гаишников нет электронных мозгов

Сквозь полосы помех ясно различимы были потерянные лица офицеров. Никита понимал, что сейчас они совершают правонарушение, но желание узнать, что думают о чрезвычайном положении старшие по званию, превосходило опасения отправиться назад, в Большие Батюги.

– Похоже, пошел прием...

Взбесившийся ИИИ (Империалистический искусственный интеллект), захвативший управление на одной из Звезд Смерти, вызвал панику во всем капиталистическом секторе Солнечной Системы и полную боевую готовность – в социалистическом. Поэтому «салаги» выменяли у американцев «жучок» на пачку бакинских презервативов и заныкались в Красный Уголок под видом чтения патриотических рассказов об обороне Земли.

– В СССР такого произойти не может! – сквозь треск статических разрядов доносился голос майора Унурцэцэг из Улан-Баторского военного училища имени Чингисхана, недавно прибывшей тренировать новобранцев на Сфере Мира. – Все расчеты ЭВМ дублируются человеческим разумом, курс проверяется с логарифмической линейкой в руках!

Зоран Божанов расхаживал по кабинету, кивая в ответ на реплики Унурцэцэг. Офицеры отключили детекторы-дымоуловители, и дым стоял коромыслом.

– А ведь был уже в капиталистическом мире прецедент со страж-птицей. Почему никогда не было случаев шизофрении «Буревестника»? Потому что там простейшая автоматика и контроль из военного центра управления!

– Права, сестра, права, – сказал Божанов. – ЭВМ должна служить человеческому разуму, а не заменять его.

Унурцэцэг кивнула, поднося к губам чашку с чаем.

– И заметьте – это у них случается постоянно! Помните, чередой пошли: операция «Терминатор», «Терминатор-2», «3», «4»... Сколько это еще будет продолжаться?! У них даже в полиции служат роботы. Как они их называют? Робомонт?

– Робокон, – поправил Димитр.

– Вот именно! Возможно ли такое безобразие в Советском Союзе? На секунду попробуйте вообразить гаишника с электронными мозгами! Вы можете представить себе, как наводит на вас электрошоковый жезл гаишник без малейших признаков природного, естественного мозга в голове?

Напряжение витало в воздухе. Уж объявили бы, наконец, всеобщую боевую тревогу. Что медлят? Этот вопрос явственно читался в выражении лиц Зорана и Димитра Божановых, Унарцэцэг, других офицеров... Чокнутая груда металлолома разгуливала в районе пояса астероидов, где гидра империализма проводила испытания планетарного деструктора. Оттуда рукой подать до спутников Юпитера и до Земли. Марс сейчас находился далеко, атаковать его было нецелесообразно. Хотя кто мог ручаться, что считает целесообразным или нецелесообразным двинутая на всю голову консервная банка?

– Чего вы хотите от людей, которые настолько разленились, что имеют два флаера на семью? – продолжала Унарцэцэг. Майор была не только выдающимся пилотом штурмовых войск, но и знаменитым публицистом современности. Ее перу принадлежали книги «Чингисхан – предвестник советских побед», «Великий космос и великая степь», «Капиталистически-колониальное иго» и «Нравы Пятой Авеню: Три века разложения». – Помните, как бездуховный Запад пытался навязать через движение гламура дурные танцы, идиотскую одежду и лозунг «В каждый дом по ЭВМ»?

– По писюку, – поправил Димитр.

– Вот именно! Но ЭВМ – рабочая машина! Это все равно что дома трактор держать!

Зоран Божанов, вытрясая сигарету из пачки «Лунморканал», заявил:

– Я и сам люблю яйца половить, но наша «Электроника» имеет народохозяйственное воспитательное значение. Приучает уважать труд птичниц и бережно относиться к каждому яйцу. И никакой агрессии.

– Общество потребления, товарищи. Слепит глаза дурацкая реклама, выжигает мозги так называемый «выбор» между «Кока-Колой» и «Пепси-Колой»...

Унарцэцэг так яростно взмахнула рукой, что чуть не сбила со стены плакат: «Летайте ракетами Гражданского Совкосмофлота!».

– А кто им чинил взломанную хакерами систему канализации? Кто, как не наши слесари?! И это ж надо – в то время, когда мы могучим народным порывом поворачиваем вспять реки, их хакеры вирусом заставляют повернуть назад дерьмо! Дожили!

– Согласен, – подтвердил Божан. – Капиталисты не спохватятся до тех пор, пока их личная машина не начнет душить выхлопными газами в запертом салоне или пока не начнет перемалывать им кости гладильная машина в рабочем цехе. И вот теперь – ловите мировое ЧП. Буржуазные политики официально признали, что не могут справиться со своим детищем.

– Вот так и будет строчить из пулеметов по мирному населению робот-полицейский в Детройте, а в подземке продолжают разъезжать вагоны с парным человеческим мясом... – когда майора настигало вдохновение, прервать ее могла только сирена боевой тревоги.

И этот звук наконец-то разнесся по Сфере Мира. Боевое положение!

В глазах Унурцэцэг мелькнуло ликование.

– Ну все! Поехали!

До отбоя оставалось с четверть часа, и полтора десятка «салаг» мрачно «заседали» в Красном Уголке.

– Беспольный мы балласт, – опустив голову, говорил Алибек. – Старшие воевать будут, а мы палуба драить и картошка чистить.

Никиту не оставляли мысли о девчонках. Пятнадцать тысяч девчонок срочной службы, базировавшихся на этой Сфере Мира, отправили на Звезду Смерти, чтобы не смущать американских солдат, прибывших оттуда на совместные учения. В американском обществе, переживающем пуританское возрождение, царил настоящий половой апартеид, по крайней мере, среди рядового состава.

– Слушайте, ребята, а ведь не всех девчонок успели эвакуировать? Или я не прав? Или мне так кажется? – доставал Туви Иона. – Комсорг, ты чего молчишь? Ты чего-то знаешь? Или предполагаешь?

– Похоже на то, – сказал Ион. – Небольшой отряд пропал без вести в недрах искусственного маньяка, связь с ними прервалась.

– И боевая операция может начаться, даже если они там останутся?

Ион пожал плечами.

– Нечестно это, – сказал Никита. – То есть умом я понимаю, что каждый из нас должен быть готов пожертвовать собой ради уничтожения врага, но... это ж наши девчонки.

Ион согласился:

– Комсомольцы своих в беде не бросают. Даже если это светит трибуналом, мы должны рискнуть своим будущим ради смуглянок.

Подумал и добавил:

– И ради рыженьких, шатенок и блондинок – тоже.

Тайное комсомольское собрание прервало появление горы мускулов, ввалившейся в жалобно вжикнувшую дверь. Видимо, на взгляд солдата Билла, отъезжала она в сторону слишком медленно, так что он придал ей ногой боковое ускорение, да так, что дверь заклинило.

– Фотоэлементы у вас тупые! – сообщил он.

– Зато ты умный... – пробормотал кто-то.

– Ну, а где блэкджек и шлюхи? Или у вас тут не комната отдыха?

Видимо, брат по разуму перепутал Красный Уголок с Кварталом красных фонарей. О явной ошибке ему сдержанно и весомо сообщили комсомольцы, продемонстрировав раскрытые книги патристического содержания, которые в данный момент официально (для офицеров и иных прибуд) изучались под руководством комсорга Чобану.

– Нас иногда сержант тоже читать заставляет, – посочувствовал Билл. – Даст в зубы книжку и говорит: читайте каждый по три предложения! Сдохни, но прочитать придется...

Глядя в спину Биллу, неторопливо топающему по коридору в поисках нехитрых развлечений, Никита вдруг понял, что делать дальше. Глянул на товарищей, усмехнулся:

– Билл нам поможет.

– Кто? Этот тупой башка?

Через полтора часа они уже проверяли бортовое оружие: с империалистическими товарищами по обмену договориться оказалось довольно просто. Комсомольцы легко обосновали, зачем им американский учебный катер, пояснив цель кратко и внятно:

– За девушками!

– Оу! – оживились братья по разуму. – За девушками!

Самоволка началась.

По дороге к ангару Билл доставал вопросами:

– Как будет по-русски «Ай лайк ю титс»?

– Молчи, загнивающий капитализма!

Но заткнуть возбужденных солдат вероятного противника оказалось непросто. Они были сильно оживлены, предвкушая посещение летающего борделя.

– Что такое бордель? – краснея, спросил Туви. Он, похоже, смутно помнил, что это нечто не совсем приличное, но сомневался в правильности выводов.

– Это когда комсомолка не дает своему товарищу, он на бездуховном западе идет за продажным половым чувством в бордель, – шепотом пояснил начитанный Никита.

– А разве у них комсомолки есть?

– Комсомолок нет – потому и бордели есть!

В катере Никита занял место десантного командира рядом с пилотским креслом. Мелодичный голосок произнес на английском:

– Пароль? Назовите английское слово из трех букв.

Вот это влипли... Попробуй угадай!

Люк шлюзовой камеры распахнулся, и мощный голос проревел:

– Фак ю, френдс!

В катер ввалился Билл, за ним еще несколько дружелюбно настроенных представителей потенциального противника.

– Пароль принят, – сообщила система управления.

Никита откинулся в кресле, пораженно покачивая головой. Нет, ну это ж кому только в голову могло прийти – такую неперевожимую пакость ставить в качестве пароля!

Катер вышел в космос без особых препятствий, но не успела Сфера Мира превратиться в сияющий гривенник, как заверещал коммуникатор, а на экранах заднего обзора замаячили три патрульных корабля.

– Давай к астероидам, Билл! – скомандовал Никита. – Там затеряемся... Врубай турбодвигатели!

Американский катер оказался крепкой штуковиной: на полном форсаже впилил в опасную зону, и Билл довольно загоготал. Алибек вскочил с места и кинулся к креслу пилота.

– Эй, куда летишь! Сюда лети, туда не лети, совсем мертвые будем!

– Вот сам и рули! – огрызнулся Билл. – Почему он командует, как мне лететь?

– Потому что он лучший пилот призыва! – ответил Никита.

– Вот пусть и рулит!

Обидевшись, Билл пересел и стал грызть орешки. Алибек же заломил такой вираж, что всех вжало в кресла, а Билл подавился арахисом.

– Да ты сам крейзи!

– То ты, а то я! – весело заметил Алибек.

Патрульные катера, мигая алыми сигнальными огнями, отстали. Коммуникатор надрылся на двух языках. Американский сержант крыл своих подопечных отборными ругательствами, непосредственные командиры советских самовольщиков использовали исключительно богатство русского языка и уговаривали вернуться по-хорошему, обещая всего-то три наряда вне очереди.

– Три наряда – это хорошо. Гальюн мыть, картошка чистить заместо трибунал, – сказал Алибек. – А там – девчонки.

– Герлз! – оскалился Билл.

– Полный вперед, – вздохнул Никита.

Выйдя из кольца астероидов, они оказались перед Звездой Смерти – неожиданно и сразу. Искусственный планетоид завис, если мерить космическими величинами, у самой границы пояса, но все-таки его отделяло довольно обширное пустое поле: подойти незаметно к Звезде не получалось. Она сверкала на экранах переднего обзора, одинокая и смертоносная. Только сейчас бойцы в катере почувствовали, как мизерны они по сравнению с этой сумасшедшей мощностью. Чужая, империалистическая, а теперь и чуждая – порабощенная искусственным разумом – машина смерти выжидающе замерла среди космической пустоты. Никита не раз

приходил в трепет, наблюдая могучие обводы Сферы Мира со стороны, но никогда еще его не постигало такое ощущение безграничного зла и нависшей опасности, которое буквально излучала Death Star.

– Так где девчонки? – оскалился Билл.

Никита попытался собраться с мыслями, выработать новый тактический план, но Звезда Смерти решила все за них. Бить планетарным деструктором по учебному катеру – смешней, чем гоняться с базукой за тараканом, но были ведь и другие средства. Корабль слегка трянуло, а затем он начал медленное движение в сторону огромного металлического шара.

– Факин шит! – раздалось в рубке.

– Кокосы мохнатые!

– Загнивающий капитализма!

Бледный, как солнце пустыни, Алибек врубил задний ход на полную мощность, но смысла в этом было не больше, чем в попытке остановить на скаку носорога. Корабль тянуло прямо в пасть одного из ангаров, черневшую точкой на громадном лике Звезды Смерти, и с каждой секундой увеличивавшую свой зев.

– Нам конец, – пробормотал Туви. – Оно нас сожрет и не подавится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.